

Глава 91. В осаде

Рука Янь Цунси, сжимавшая чашку, медленно напряглась.

— Чаньюань, ты это серьёзно?

Сказав эти слова, Цзян Чаньюань будто сам осознал, что человеку его положения — даосскому святому — не пристало говорить подобное. Та странная краснота в его глазах медленно растворилась в чёрных зрачках, и он мягко сказал:

— Ах, шутка.

Ощущение чужеродности становилось всё сильнее — настолько сильным, что у Янь Цунси выступил холодный пот. Он и сам не мог подобрать слов. Перед ним сидел его самый близкий друг, человек, с которым они были словно одной крови, близки до того, что ощущали само существование друг друга, и всё же Янь Цунси всё отчётливее чувствовал: перед ним вовсе не Цзян Чаньюань.

Это чувство почти сводило его с ума, но выдать себя он не смел. Он поднял чашку и осушил её залпом, на время подавив и подозрения, и смятение.

В вымытое дождём прозрачное небо скользнула духовная птица и тихо опустилась перед спокойным двориком.

Она подлетела к пальцу Янь Цунси и клюнула его в тыльную сторону ладони.

Эта духовная птица стала для него почти спасительной соломинкой, разом немного ослабив внутреннее напряжение. Он узнал её — бледную птицу старейшины Цзо. Ещё недавно старейшина Цзо хотел свести свою внучку, Цзо Сяньюнь, с Е Чжэнвэнем. Но тот нисколько не позаботился о достоинстве старейшины: целыми днями где-то пропадал и ни в какую не желал идти. Этим он изрядно его оскорбил. А при его злопамятном нраве старейшина обычно такого не спускал и как минимум несколько месяцев держал бы обиду. С чего бы ему теперь самому посылать духовное сообщение?

Янь Цунси раскрыл послание и нахмурился:

— Передающий массив области Цянькунь повреждён.

— Повреждён? — лицо Цзян Чаньюаня сразу омрачилось. — Только в прошлом месяце его чинили. Почему снова... Идём, посмотрим.

Янь Цунси временно отложил тревожные подозрения и вместе с ним покинул двор.

Но на деле всё оказалось ещё хуже, чем они думали.

Область Цянькунь была одной из пяти духовных областей пяти стихий. Каждый день через её передающий массив туда-сюда проходили бесчисленные культиваторы. Из-за долгого использования, неправильной замены духовных ядер и других подобных причин массивы иногда давали сбой. Обычно в таком случае достаточно было позвать мастера талисманов и подправить схему построения. Но сегодня, когда они увидели его своими глазами, оказалось, что с гигантским передающим массивом произошло нечто необъяснимое: почти половина его просто исчезла.

А ведь такие массивы, способные переносить столько людей, сами по себе невероятно сложны. Даже если недостаёт совсем небольшой части, это уже головная боль. А тут отсутствовал целый огромный кусок.

— Вы уже искали мастера талисманов? — спросил Янь Цунси у одного из хранителей области.

Тот почтительно ответил:

— Докладываю, глава Янь: сейчас в области Цянькунь нет ни одного мастера талисманов, способного починить столь сложный массив.

Секта Ляньи, как первая даосская секта Люхэ, тоже вырастила нескольких мастеров талисманов. Янь Цунси немедленно отправил духовное послание в свою секту. Но птица, слетевшая с его пальцев, несколько раз покружила в небе и снова вернулась ему на руку.

Крохотная духовная птица клюнула его в палец и склонила головку набок.

Словно не могла найти направление. Словно была не способна вылететь наружу.

Янь Цунси решил, что в спешке неверно начертал символ послания, и тут же написал новое. Но и эта птица, как две предыдущие, снова вернулась к нему.

— Как такое может быть... — Янь Цунси поднял голову.

Вчера прошёл сильный дождь, и сегодняшнее небо над областью Цянькунь было ослепительно чистым. Изредка по синеве пролетали птицы. Всё выглядело тихим и мирным.

Но за этой тишиной словно что-то скрывалось.

Он развеял двух духовных птиц в руке и прямо ступил в воздух, шаг за шагом поднимаясь всё выше.

В области Цянькунь действовал запрет на полёты. Все культиваторы, войдя сюда, передвигались по земле, как обычные люди. Поэтому движение Янь Цунси выглядело особенно внезапным. К тому же ступать по воздуху могли лишь святые. Те, кто до этого стоял и с любопытством наблюдал, или шёл по длинной улице выпить и закусить, теперь все заметили фигуру в небе.

Янь Цунси поднимался всё выше, пока не достиг места, где совсем недавно духовные птицы поворачивали назад. Там он ощутил странное, пугающее давление. Протянув руку, он коснулся прозрачной световой завесы.

Его длинные пальцы словно легли на поверхность гибкой воды. По завесе разошлись круги, но почти сразу всё снова успокоилось.

— Эй? Что это такое? — кто-то тоже заметил эту световую завесу и изумлённо сказал: — На вид прямо как барьер.

Другой пренебрежительно усмехнулся:

— Да брось. Возвести барьер вокруг всей области Цянькунь прямо под носом у Почтенного — это ж какими способностями надо обладать? Да и кому взбрёт в голову маяться такой ерундой... Ладно, посмотрим. Глава Янь и Почтенный ведь здесь.

Тот культиватор, что задал вопрос, поджал губы. От этой прозрачной завесы у него внутри всё сжималось. С виду её почти не существовало, но она отчего-то казалась клеткой.

Янь Цунси тоже ощутил это удушье. Он свёл указательный и средний пальцы вместе, наполнил их духовной силой и снова коснулся завесы. Та будто поглощала всякую духовную силу, приближавшуюся к ней. Энергия на его пальцах исчезла в одно мгновение.

Лицо Янь Цунси вдруг стало очень тяжёлым.

Но его жест уже заметили. Если бы он теперь сделал что-то резкое, среди культиваторов в области Цянькунь тут же вспыхнула бы паника. Поэтому ему оставалось лишь с невозмутимым видом спуститься вниз, подойти к Цзян Чаньюаню и тихо сказать:

— Чаньюань, нас кто-то хочет запереть.

Передающий массив был повреждён, а снаружи области Цянькунь в неизвестный момент возник странный барьер. Хотя Янь Цунси при всех не стал проверять, можно ли пробить его грубой силой, он интуитивно чувствовал, что это невозможно. Попробуй он тогда у всех на глазах — и все бы увидели, что даже глава первой даосской секты Люхэ не в силах прорвать этот барьер. Тогда неизвестно, сколько людей в области лишились бы сна от страха.

— Даже ты не можешь его разрушить?

— Не могу.

Лицо Цзян Чаньюаня на миг стало особенно мрачным.

— Возвращаемся в Шифан. Сначала обсудим это с главами других сект.

* * *

Одна духовная птица проскользнула в щель окна и клюнула Цзян Тана в тыльную сторону ладони.

Так закончилась его попытка доспать.

Лениво открыв глаза, Цзян Тан узнал бледную птицу Шэн Исюэ. С Шэн Исюэ, в отличие от Е Чжэнвэня и Хуай Чэнъяня, он до недавнего времени символами связи не обменивался: всё-таки она была женщиной-культуратором. Лишь после той встречи, когда он согрел госпожу Хэ, они обменялись духовными знаками для связи.

Тогда они договорились: если с госпожой Хэ что-нибудь случится, Шэн Исюэ сможет сообщить ему через духовную связь. Но самому Цзян Тану теперь строжайше запретили практиковаться. Поэтому он тайком повернулся под другим углом, залез под одеяло и уже там открыл послание.

К счастью, дело было не в том, что здоровье госпожи Хэ снова ухудшилось. Просто с той самой встречи она ужасно тосковала по Цзян Тану и всё время повторяла, что хочет увидеть его ещё раз. Шэн Исюэ от её имени передала эту тоску и спросила, не найдётся ли у него времени заглянуть к ним ненадолго.

Из-под одеяла высунулась пушистая голова.

Цзян Тан только-только поспешно развеял послание, чувствуя себя вором, когда сверху раздался голос Фу Линцзюня:

— Не ходи.

И когда это великий господин успел проснуться?!

— Я... и не... — у Цзян Тана было чувство, будто его поймали на месте преступления. Но, подумав, он всё же тихо пожаловался: — Ты подглядывал!

У Фу Линцзюня не было ни малейшего стыда из-за того, что он только что прочитал чужое духовное письмо. Вместо этого он спросил:

— Собрание Небесных Дарований уже на носу. В области Цянькунь сейчас множество лекарей. Кончань — не безымянный бессмертный род. Почему они не могут пригласить хотя бы одного лекаря?

Цзян Тан серьёзно объяснил: физическое состояние госпожи Хэ — дело второстепенное, главная проблема в том, что она находится в крайне плохом душевном состоянии. Глава семьи Хэ готов платить, так что найти лекаря несложно. Проблема в другом: никто из них не может к ней даже приблизиться. После стольких попыток рядом с ней сумела остаться лишь одна Шэн Исюэ.

Шэн Исюэ молода. Пусть её лекарский талант и выдающийся, полноценно ухаживать за госпожой Хэ она всё равно не в силах. Потому-то она и хотела пригласить Цзян Тана — единственного, кто тоже может подойти к госпоже Хэ, — чтобы вместе заботиться о ней.

— Если... у меня... есть силы... помочь другому... — Цзян Тан украдкой взглянул на лицо Фу Линцзюня и очень осторожно подбирал слова, — это тоже... очень... радостно.

Особенно для него самого. С тех пор как он попал в этот мир, большую часть времени он был просто декоративным питомцем-брелоком, ни в чём не способным помочь. И когда вдруг кто-то говорит ему, что он и правда на что-то годится и может быть полезен, в нём невольно просыпается чувство ответственности — хочется помочь.

Фу Линцзюнь не понимал такого настроения. Слегка прищурившись, он произнёс:

— У меня нет интереса быть спасителем мира.

Цзян Тан: «...»

Видно, сладость последних дней совсем вскружила ему голову, раз уж он решил заговорить с великим демоном о таких вещах.

— Ты уже пообещал Шэн Исюэ? — спросил Фу Линцзюнь.

Цзян Тан поспешно замотал головой:

— Я только сказал... что могу... попробовать. Не обещал.

Хотя, по правде сказать, он почти уже согласился — если бы не та ссора с Фу Линцзюнем.

— Вставай, — Фу Линцзюнь сел. На его лице, помимо недавнего спокойствия, теперь проступило ещё и лёгкое возбуждение. — В области Цянькунь скоро начнётся хаос.

— А? — Цзян Тан только проснулся и ничего не понимал.

В последние дни область Цянькунь, наоборот, была на редкость оживлённой и праздничной. С чего ей вдруг погружаться в хаос?

Очень скоро он получил ответ.

Вскоре после того, как Цзян Тан привёл себя в порядок, в маленький дворик пришёл знакомый гость.

Это был давно не появлявшийся Хуай Шоусинь.

Пришёл он с таким тяжёлым лицом, что даже Цзян Тан чувствовал исходящие от него гнев и дрожащую ярость. Хуай Шоусинь был чрезвычайно осторожен: явился, скрываясь от чужих глаз, а войдя, тут же воздвиг вокруг маленького дворика барьер, отрезавший все звуки снаружи и изнутри.

— Передающий массив области Цянькунь уничтожил ты? — спросил он без всяких предисловий.

У Фу Линцзюня, на редкость, было хорошее настроение. Он даже налил чаю Хуай Шоусиню, который явно был на грани.

— Я. Садись и говори.

Услышав признание, Хуай Шоусинь ещё сильнее искажился лицом: теперь в нём смешались тревога и страх.

— А барьер снаружи области Цянькунь тоже поставил ты?

Цзян Тан от такого поворота совсем растерялся.

Передающий массив разрушил Фу Линцзюнь. Барьер вокруг области тоже поставил он. Но зачем? Значит, все эти дни он уходил с утра и возвращался ночью именно ради этого? Выходит, он прибыл на Пир десяти сторон не только затем, чтобы через Ци Е убедиться в существовании сердечного демона Цзян Чаньюаня, но и тайно готовил ещё что-то?

Бледные пальцы легко постукивали по белой фарфоровой чашке, и раздавался чистый,

звенящий звук. На лице Фу Линцзюня появилась почти детская улыбка.

— Разумеется.

— Цзян Чаньюань хотел выманить меня сюда благовоением Цзиме. Я тоже должен преподнести ему подарок.

Хуай Шоусинь с грохотом ударил кулаком по столу. Уцелела только белая чашка в руке Фу Линцзюня — чайник и остальные чашки разлетелись вдребезги.

— Абсурд! — рявкнул он. — Раз ты знаешь, что Цзян Чаньюань вынужден кормить сердечного демона, то чем он, по-твоему, будет его кормить, если ты запечатал область Цянькунь?!

Выражение лица Фу Линцзюня стало странным.

В улыбке на его губах проступила насмешка.

— А какая разница — кормить его душами простых смертных или душами культиваторов?

<http://bllate.org/book/17032/1721840>